

ЕМУ РУКОПЛЕСКАЛИ АРЕНЫ МИРА

Имя циркового джигита каскадера и киноактера Мухтарбека Кантемирова известно не только на Кавказе. Трибуны многих знаменитых арен мира рукоплескали непревзойденному мастерству осетинского всадника. Сын легендарного Алибека Кантемирова – основателя династии цирковых джигитов, Мухтарбек смог внести вклад в искусство верховой езды, разработав и исполнив трюки, которые до сих пор никем не повторены. О династии Кантемировых написано немало. Сама фамилия, составленная из двух корней тюркского происхождения: кан (кровь) и темир (железо) – дала повод назвать знаменитых всадников «железнокровными джигитами».

9 июня 2012 года самая молодая республика в составе России – Ингушетия – отмечала 20-летний юбилей. Солнечный день после хмурого дождливого утра ярко высветил монумент из 9 башен, оплетенных колючей проволокой, бронзовые изваяния всадников «дикой дивизии» и последнего защитника Брестской крепости, а белая плитка, которой вымощена вся площадь мемориала, успешно соперничала с жаркими лучами светила.

На немощем пространстве за мемориальным комплексом готовилась к выступлению группа джигитов. Именно там мне впервые посчастливилось встретиться с Мухтарбеком Алибековичем. Впечатление от встречи – лучащиеся добротой глаза, скромность и мудрость много повидавшего человека. О таких говорят: «Лицо с историей». Вторая встреча с Мухтарбеком Кантемировым состоялась в феврале этого года в комнате при конюшне на территории тренировочного центра МЧС России в подмосковном городе Новогорске.

Меня встретил у станции метро, довез до Новогорска и представил Мухтарбеку Алибековичу директор конного театра «Каскадер» Анатолий Клименко. По дороге мы говорили о лошадях, судьбе конного театра и, конечно, о Кантемирове.

Глубочайшее искреннее уважение к этому человеку звучало в высказываниях не только Анатолия Васильевича, но и всех, с кем в тот день мне пришлось общаться.

Открываю дверь в длинном коридоре конюшни и вижу смотрящие в упор глаза громадной черной собаки. Глаза умные и не злые. Это успокаивает. Внимательнее рассмотрев могучее животное, понимаю, что передо мной аланский дог! Редчайшая у нас в стране порода, предки которой – легендарные боевые собаки алан.

– Махур, солнышко мое, это свой. – Навстречу встает подтянутый немолодой человек с седой бородой. В памяти всплывают скудные познания в осетинском языке: «Ма хур» – «Мое солнце». Мухарбек Алибекович с удивлением отмечает осведомленность гостя в породах собак и некоторое знание родного ему языка.

Сначала беседа идет не очень живо. При всей доброжелательности рассказывать о своей долгой и спокойной жизни мало знакомому корреспонденту – не просто. Несколько оживляют разговор выложенные мной фотографии выступления в Ингушетии.

Мухтарбек с удовлетворением вспоминает, как после этого выступления конного театра к нему подошел высокопоставленный местный чиновник и сказал, что приезд джигитов под руководством знаменитого всадника-осетина впервые после печально памятного конфликта 1992 года заставил его с уважением относиться к соседям.

– А ведь у меня прабабушка – ингушка! Мне больно, что соседние народы, которые связывают узы родства во многих поколениях, враждуют друг с другом. Это стало главной причиной того, что я сразу принял приглашение участвовать в праздновании юбилея Ингушетии.

Разговор переходит на конные темы. Обсуждаем, какие породы лошадей наиболее подходят для

цирка. Вспоминаю мустангов с острова в Ростовском заповеднике.

– Можно ли взять дикого жеребенка с острова и вырастить из него циркового коня? Наши кони – в типе донской породы.

– Донские кони – строгие. Это – боевые лошади, признающие одного всадника. Но – можно. Даже интересно было бы. Для цирка больше подходят лошади компактной конституции, на хороших ногах, доброжелательные, работоспособные. Независимо от породы. Не годятся для арены ахалтекинцы. А какие красивые кони! Донские лошади суровые. По-настоящему любят своего хозяина. Верные кони.

– Помните, когда вы впервые сели на коня?
– Как только ходить научился. Папа с самого раннего детства приучал нас к лошади. Нас три брата было: Хасанбек, Ирбек и Мухтарбек. Я – младший. У папы был закон такой: ребенок еще ходить не очень умел, а его на коня сажали. Но на арену я вышел только в 11 лет. Такие были правила. Раньше – профсоюз запрещал. А жаль. В 11 лет мальчик уже начинает остерегаться. А до этого – полное бесстрашие. Папа сказал – «надо», и делаешь. Старший брат стал выступать с шести лет, Ирбек – с семи.

– Помните свое первое выступление?
– Конечно. Это было в Туле. И коня помню. Его звали Горец. Он был беспородный, но очень хороший конь.

Вы из Ростова? Хороший город. Там прекрасный цирк. Папа любил работать в Ростове. В Гражданскую войну он выступал с программой «Соло джигит» в ростовском цирке. Город то белые возьмут, то красные. Когда красные город заняли, на выступление пришел сам Семен Буденный. Посмотрел и как пристал к папе: «Алибек! Ты должен быть в Красной армии, учить молодых кавалеристов джигитовке!» Еле от него отделался. Папа говорит: «Я – артист. Мне в армии делать нечего!» Чуть не до расстрела!

Потом белые город взяли. Генералы пришли в цирк, смотрели выступление, аплодировали. Но в армию не агитировали. Ростов – хороший город. Там еще много людей, понимающих толк в лошадях. Казаки – смелые наездники. Папа рассказывал, что научил его конным трюкам опытный казак

по имени Федор. Он говорил: «Я тебе все покажу, но в цирке этого сделать невозможно». А папа уже тогда мечтал о цирковой арене.

— Вот, посмотрите, — на стол ложится старая цветная фотография, — кто из двух мужчин здесь старше?

На фотографии изображены два пожилых горца в черкесках с кинжалами. Мухтарбек с лукавинкой смотрит на меня. В очередной раз удивляюсь этому сияющему добротой лицу.

— Слева — папа. Ему 90 лет. Мы с братьями тогда не сразу поняли, в чем дело. При нас кто-то ругает нашего папу! А этот старик из горного селения его отчитывает: «Али! Как тебе не совестно! Я, старший, должен к тебе спуститься из селения, а не ты ко мне пришел». Юбилей у папы был. 90 лет. А это — его дядя. Ему тогда 115 лет было!

— Я знаю, что по фамилии осетина можно узнать, из какого селения его род. Какое ваше родовое селение?

— Даргавс. Может быть, слышали о городе мертвых? Склепы могильные там. И башня наша фамильная стоит. Там воздух особенный. Вода чистая. Потому и люди долго жили.

— А вам часто приходилось бывать в Осетии?

— Нет. Вся жизнь — в разъездах. Разные города. В детстве каждые два-три месяца школу менял. Аттестат получил в Харькове. И мама с нами ездила. Сначала она в ансамбле кавказского танца была. Потом папа сказал: «Не надо! Не женское это дело — в цирке выступать».

— Осетинский язык помните?

— Конечно! Осетинский, немецкий, испанский, русский.

— Да вы полиглот! По миру много пришлось ездить?

— Да, конечно. На Американском материке нас хорошо принимали. В Мексике. Публика там очень

горячая. Мексиканцы — великие наездники, могут оценить. Мы достойно выступили. Нас с братом Ирбеком приняли в ассоциацию мексиканских наездников «Чаррос де Педригаль». Первыми из европейцев. В этой ассоциации одни мексиканские аристократы. Вон висит на телячьей коже тисненая грамота.

Мексика — самая яркая из всех стран, где пришлось побывать. До этого за три года мы были в Испании. Когда узнали, что поедем в Мексику, я стал учить язык. За полтора месяца хорошо выучил. Мексиканцы меня называли «Мича». Говорили: «Мича! Ты очень хорошо испанский язык знаешь. Наверное, долго учил?» А я отвечаю, что полтора месяца назад почти ничего не знал...

В Мексике у меня любовь была. Очень красивая женщина — Эди Эванс. Единственная женщина-торeadор. В Мексике есть традиционная конная коррида — рейхониада. Элегантная женщина, отчаянно смелая. Всю процедуру корриды — верхом на лошади! С седла убивала быка. Это же надо уметь! Завораживала быка. Честно говоря, у нас любовь была... А потом ее бык покалечил. Лошадь оступись... Это — ужас!

Самые яркие впечатления — от Мексики, конечно! Там публика удивительная. У меня трюк был: я перепрыгивал с одной стороны лошади на другую. На арене это очень трудно. Лошадь была темпераментная. Если место не уступит, то по ногам... У меня все ноги искалеченные. И вот, я прыгаю раз пять-шесть, а потом срываю с себя папаху и бросаю вверх. Арена огромная «Арена Мехико», там олимпиада проходила. Двадцать тысяч зрителей!

Гром стоит. Публика хлопает. Потолок высокий. Я папаху бросаю — ее нет. Все стихают, не поймут в чем дело. А я продолжаю публику заводить. Проезжаю полный круг. И вдруг — прилетает папаха. Я очень хорошо чувствовал, недаром столько лет ножи метал. И папаху почти

с земли ловил. А еще старался, чтобы она летела в сторону трибуны. Зрителей много, полный зал. Папаха прилетает почти на головы, к ней уже руки тянутся, а я ее почти из рук выхватываю.

На этой арене — каменные сидения. Специально продавали для них подушечки — бизнес такой. Никаких напитков в бутылках! Люди очень темпераментные, все полетит на арену. Так вот, эти подушечки и летели на арену. Меня ими закидывали. Хлопают, как сумасшедшие! А я доволен. Кланяюсь...

Рассказывая, Мухтарбек вскакивает, в глазах играют озорные огоньки. Он снова переживает оглушительный успех на мексиканской арене.

— Я высокий. Для всадника это нехорошо.

Поэтому старался такие трюки делать, чтобы больше стоять на лошади. Очень прыгучий был. Обычно, чтобы вскочить на лошадь, через весь манеж пробегают. Это «курс» называется. А я с двух шагов прыгал. Левою, правую, и — на лошади. В это время две шашки крутил. Лошадь барьер берет, а я на ней стою и шашки кручу. Три барьера так лошадь прыгала, а я стоял и шашки крутил. Когда она четвертый барьер прыгала, я уже шашки не крутил, а стоял на одной ноге. Этого пока никто не повторил!

— А как вы стали метать?

— В сорок седьмом году был фильм «Ущелье Аламасов». Там девушка в цирке метает ножи. Я в это время уже на арене работал. Мне папа кинжал подарил. Я почему-то стал его метать. А тут увидел в кино и просто влюбился в это дело. Учиться было не у кого. Все самоучкой. Часами метал. Очень много работал. Сейчас я — президент Российской ассоциации метателей.

— Как, по-вашему, в российских городах где более отзывчивая публика?

— Самый тяжелый для цирковых артистов город — Тула. Это все «цирковые» отмечают. Люди усталые, реагируют плохо. А нам обидно. Мы же питаемся аплодисментами!

Питер хорошо принимает. И южные города. Ростов особенно. В Ростове знают джигитовку.

— Во многих фильмах приходилось сниматься?

— Да, конечно. Если считать эпизодические роли, то очень много. Первый фильм — «Смелые люди». Это было в 1947 году. Я тринадцатилетним пацаном изображал немца. Главные роли в фильмах «В двух шагах от рая», «Не бойся, я с тобой». Недавно сняли продолжение этого фильма. Через тридцать лет. Тогда на съемках я ногу себе повредил — кинжал воткнул очень сурово. А сейчас — палец на руке. Сухожилие надо шить.

В кино — не так как в цирке. Мы привыкли трюки хорошо репетировать. Папа нам иначе не разрешал. Посмотрит, что все отработали, тогда разрешал. Чтобы риск минимальный был. А тут — делай, что режиссер скажет, и все. В кино часто рискуем.

Разговор прерывают телефонные звонки. Хозяин смущенно просит извинить.

— Это скульптор звонит, Рукавишников. Он мой портрет делает. У меня послезавтра юбилей. Такой «корявый» — 79 лет. Вот в следующем году будет более приличная дата.

Рассматривая стоящие «букетами» шашки, сабли и палаши, я спрашиваю Мухтарбека о холодном оружии. Он бережно достает шашку в серебряных ножнах кубачинской работы. Это — фамильная реликвия. Шашка отца, доставшаяся тому от старших. Заходит разговор об охоте, ружьях. Откуда-то извлекается старое курковое ружье в красивом кожаном чехле.

— Это я его немного украсил, — говорит Мухтарбек. Оказывается, у знаменитого джигита есть хобби — работа с кожей. В соседней большой комнате устроена мастерская, где в свободное время он изготавливает нагайки, хлысты для верховой езды и другие кожаные изделия с тиснением. С гордостью показывает чекан с фамильной тамгой. По моей просьбе, Мухтарбек Алибекович выбивает оттиск на кусочке кожи и дарит на память. Здесь же — тренажерный зал, мишень для метания ножей.

Расстаемся как старые друзья. Я — с тайной надеждой на новые встречи. Приглашаю в заповедник, на экскурсию к мустангам.

На память о своем посещении дарю авторский фотоальбом о вольных лошадях заповедника и искренне верю, что новая встреча состоится.

АЛЕКСАНДР ЛИПКОВИЧ